

ВОЗВРАЩЕНЕЦ

«Пейзаж и жанр»

Н. Лесков

Возвращение эмигранта - это позорная сдача.

Возвращение эмигранта (если не в запломбированном вагоне) - крах всей его жизни.

Возвращение в письменном виде дела не меняет. Это самообман или жест отчаяния. Конечно, мы думаем, что вернемся, когда взойдет она...

Но заря пленительного счастья еще ни разу не взошла над нашей родиной.

В 1975 году, после отсидки и суда, меня выгнали из моей страны. Оказалось, что моя литература - это измысления, порочащие советский строй. Вполне может быть. Литература - всегда измысление, к любому строю враждебное. Следователь КГБ цинично сказал мне: «И никогда не узнаете, зачем вас посадили». Это была организованная компания: тем или иным способом очень многие писатели, художники, философы, историки и другие интеллигенты были вытеснены за рубеж. Почти все мои друзья оказались на Западе. Возможно, когда-нибудь эта операция прояснится. А может, и нет.

Мы приехали в чужие края. Жизнь кончилась, началось житие.¹

¹ По слову Лескова.

Эмигрантский хлеб горек, даже у нобелевских лауреатов. И хотя к чужой стране привыкаешь, осваиваешь другой язык, культуру, нравы, кухню и пейзажи, но ничто никогда не заменит родных мест и родного языка.

У эмигранта две задачи (или хотя бы одна из них): продолжить свое дело и сохранить достоинство. Одним это удалось, другим нет.

Первое время эмигрант надеется, что все переменится, и он вернется домой. Белая эмиграция надеялась на реставрацию прежней, досоветской жизни. На что было надеяться нам? На возвращение брежневского «застоя» (как принято теперь у них выражаться)? Недолговечной хрущевской оттепели? Или, может, сталинских времен?

Возвращаться было некуда и незачем. Отрезанный ломоть к караваю не приставишь. Из жития не возвращаются. Что может эмигрант сообщить своему народу, вернувшись обратно? Оскорбительно хвастать, как ему было хорошо на том свете? Как кто-то сам ему чего-то говорил? Или плакаться на судьбу? Оброки и подати гнетут невыносимо, устрицы растут в цене... Учить соотечественников системе социальных отношений за чертой горизонта? Или привезти свои рукописи и глядеть, как твое добро растиаскивают по частям с криком «бранзулетка!», прикрываясь лозунгом «все написанное по-русски принадлежит русской культуре»?

Воображаю Набокова, который вернулся бы где-то в начале 70-х и получил Ленинскую премию за «Аду» годом позже «Малой земли» Брежнева...

Эмигрант - существо нервное. Оно держит ухо на границе своей страны. Читает эмигрантские газеты, надеясь уловить между строчек, полных чудовищных опечаток. Проглядывает статьи о России в модных женских журналах. Жадно ловит

любое эхо. Приглядывается к новым генсекам, свежепереименованным в президентов. Унюхивает веяния...

Из среды эмигрантов начинает вылупляться возвращенец.

Могу даже понять тех, кто обрадовался недавней отмене идеологии,² недальновидно решил, что победило его дело, и вломился обратно. Таких можно только пожалеть за недостаток ума. Внешние политические перемены им важнее всего на свете. Это возвращенцы-политики. Они даже не понимают, что победило ЧУЖКОЕ дело. Таких там используют как индульгенцию, которую можно разменять на доллары, а после выставят на посмешище и раздавят, проедут грязным колесом своей истории.

Есть возвращенцы за лаской и славой. Тут не издавали, не выставляли, не почитали - там их готовы отныне издавать, передавать, «объэкранить». Человек слаб и падок. Не нам судить. Впрочем, чаще всего это были не эмигранты, а самоизгнанники, «климатические беженцы» (цитата). Их надо бы скорее назвать «наезжанцы», мало кто из них возвратился бесповоротно, у них в карманах шуршат вторые паспорта, в странах приема их ждут дома и квартиры, они балансируют между там и тут - летние харчи в родных пенатах, зимняя спячка в иностранных берлогах. Похоже, однако, что их пора кончается. Звание эмигранта перестает кормить. Владимир Емельянович Максимов рассказывал мне о графоманах, наводнивших московские редакции. Когда их рукописи отвергались, они были искренне поражены: «Вы разве не знаете, что я эмигрант?» Увы, эмигрант - не знак качества и доблести.

Были люди случайные, вынесенные за рубеж волной. О них все написано уже столетие назад («Шерамур, или Чрева-ради юродивый» Н. Лескова).

² Абстракция, вроде правил игры в бисер, которая давно уже мешала хозяевам страны володеть нами без всякого удержу.

Мелькали возвращенцы половые. Не нашедшие тут своего огорода, безъязыкие, столкнувшись с мощным лесбиянским уклоном женского мира на Западе, они тосковали об идиллии тесно заполненных автобусов и с полуслепота заводившихся знакомствах. Этих я тоже понимаю. Впрочем, и они скорей наезжанцы. Мне неизвестно ни одного случая окончательного полового возвращенца. Возможно, их распугала стремительная проституизация всей страны.

Если у эмигранта не было ни своего дела, ни достоинства и если он не нашел себе теплого места на чужбине, то он мечтает вернуться, едва оттуда потянет хлебным духом. Это возвращение за выгодой, за куском пирога.

Об одном таком возвращенце я вынужден рассказать. И не хотелось бы, времени осталось немного, чтобы тратить на него перо. Но приходится, потому что это я его создал, я пустил его в обиход, я помог ему внедриться, а когда увидел результаты, было уже поздно. Моя вина.

Перед отъездом (1972) выгнанный из России Иосиф Бродский, вспоминая адреса, где могли быть его стихи (сам он практически ничего не хранил), познакомил меня с интеллигентной женщиной, бывшей женой своего друга. Действительно, стихов у нее оказалось немало, и мы подружились. После моего ареста она продолжала навещать мою тогдашнюю жену, помогала ей. Вскоре стал с ней появляться юноша, лет на десять ее моложе, с которым я познакомился по выходе из тюрьмы (если память мне не изменяет). Вежливый, даже подобострастный, услужливый в меру и не в меру, он делал все, чтобы завоевать наше доверие, да и действительно во многом помогал. Кажется, они уже подали заявление на отъезд по израильскому каналу, но собирались, как многие другие, в Штаты.

Этот молодой тогда человек, назовем его Былой, из-за нашей доверчивости и эмигрантской бедности на активных людей проделал тут головокружительный путь, на котором ему

случалось совершать всякое, и даже (это не штамп) перешагивать через трупы, а ныне вернулся в Россию пожинать плоды. Его воспоминания под непонятным названием «Заметки аутсайдера» вышли в публикуемом им же самим околовалютном издании.

Прежде всего, самоопределение - «аутсайдер». Аутсайдер - означает человек вне общества, одиночка, индивидуалист, которому никто не нужен, бессребреник. Назвать себя диссидентом он не посмел. Широко бытавший в 70-е годы термин «нонконформист» тоже означает определенную духовную позицию. Аутсайдерами были хиппи, битники, тунеядцы, которые действительно выстегивались из общества. Как мы увидим, наш «аутсайдер» прекрасно приспособился не только к обществу, но и к государству, да еще не к одному, а, по моему неточному подсчету, не меньше чем к трем. Он обзавелся машинами, квартирами и женами там, где ему это нужно. Надо бы писать «Заметки приспособленца».

Будущий возвращенец появился в Париже вскоре после нашего приезда. Мы его встретили, приветили, накормили, осторожно ночевать и повели знакомить со всеми, с кем мы уже подружились. Мы ему открыли Париж, как мы хотели бы сами, чтобы нам его открыли, - моя жена пыталась отблагодарить его за верность в трудное для нее время, когда я сидел. Я постарался помочь ему устроиться в эмигрантском Париже. Не раз помогал ему и Владимир Максимов. Не знаю, почему он пишет «после неудачного похода к Максимову» - может, он ожидал, что Максимов немедленно возьмет его в редакцию «Континента»? Это, по меньшей мере, смешно. При всем проявлении дружбы, при всем доверии ко мне Максимов не мог тут же найти ему место в своей укомплектованной редакции. Из воспоминаний возвращенца следует, что он уже тогда разъярился, т. к. был уверен в том, что я его немедленно внедрю в «Континент».

Надо разбираться в людях. Если в них не разбираешься, это твоя вина, и ты несешь за это ответственность. Бараньи глаза

энтузиаста на выкате, редкое отсутствие умственных способностей, которое он подтверждает в своих заметках, пронырливость (в Париже его, единственного из всех, кого я знаю, останавливалась чуть не ежедневно полиция для проверки документов) должны были сразу же насторожить меня. Каюсь, я доверял его активности, его показной верности, разговорам о том, что мы можем сделать в Париже во славу русской культуры и словесности. Французская полиция оказалась прозорливей российских эмигрантов.

Одно из русских эмигрантских издательств искало в то время помощника. Ему был нужен активный и послушный русский человек, по возможности, православный. Издатель говорил об этом с Максимовым, позвал меня к себе, долго и осторожно разговаривал о различных возможностях. Он нуждался в человеке безответном, самодеятельном и, по мере возможности, не слишком принципиальном. Мы рекомендовали ему «аутсайдера», который уже проявил себя в Париже рукодельным и предприимчивым, идеальной тенью, готовой и способной копировать всех, кто так или иначе успел в этой жизни.

Нужно сказать, что где-то и когда-то он успел выкреститься, что, само по себе, хорошо для спасения души, особенно в те времена, когда церковь не была еще в такой моде, когда еще не осеняли себя принародно крестом с экранов телевизора. Нормальное отношение к жизни не позволяет отличать крещеных от иноверцев. И не мне бы, полукровку, писать об этом. С другой стороны, надо бы различать, для какой цели люди крестились во Христа. Но уж чего невозможno вытерпеть от неофитов, так это поучений и наставлений, как надо веровать. Возвращенец в своих воспоминаниях с презрением пишет о верующих, неспособных вырубить акафисты или объяснить порядок следования святых в иконостасе. Моя бабка, жена распыленного в сталинских лагерях деревенского священника, называла таких знатоков свечкодуями и сильно не любила.

Неофиту не пристало быть вероучителем. Трудно требовать вкуса, но ждешь хотя бы разумного понимания, хотя бы нежелания выглядеть смешным³. К сожалению, разумом Бог обделил.

Это крещение, да проштудированные в России западные христианские журналы вместе с неуемной услужливостью и лестью сделали свое дело. При нашем эмигрантском безлюдье издательство остро нуждалось в деятельном завхозе. Как получилось, что опытные издатели вместо того, чтобы назначить новичка заместителем (хотя бы и с широким кругом полномочий), возвели его сразу же в ранг директора? Разумеется, в их понимании директор - это просто администратор, он ничего не решает по сути, но для того, у кого нет ни ума, ни таланта, зато много «валентностей» (цитата из возвращенца), «директор» немедленно ударили в голову: жена «...открыв мне дверь, сказала: «Здравствуйте, господин директор,» - по-видимому, на моей физиономии все было написано...». С этой-то физиономией директора он и пошел гулять по эмигрантскому Парижу.

Вскоре после его назначения покончил с собой прежний директор издательства, вытесненный аутсайдером. Я не говорил об этом с Былоем, но никогда не слышал от него ни малейшего сожаления. А факт (трагедия) совершенно исключительный, и как жить с этим дальше, непонятно, да еще знатоку служб и акафистов, коленопреклоненному в первых рядах православной церкви. Даже если ты лишь косвенный виновник.

В заметках возвращенец пытается оправдаться, но самым постыдным образом. Он хочет доказать, что доведенный до отчаяния человек был ничтожеством, мешавшим развитию

³ Мой близкий друг однажды встретил аутсайдера в Риме. «Старик, я только что причастился!» - издалека закричал ему аутсайдер. Мой друг смешался, не зная, что на это ответить. «Ну и как?» - спросил он наконец. «Колоссально!» - воскликнул будущий возвращенец.

издательских дел. Разве убиенную дурнушку нужно меньше жалеть, чем красавицу? Разве это по христианству? В таком христианстве нужно, действительно, перевесить иконы и заново выучить «аутсайдера» их распорядку. Чтобы вспомнил о раскаянии.

Что за персонаж встает в заметках перед изумленным российским читателем, не посвященным в тайны издательских активистов, в тайны иерархии шпионов на покое, благодушно занимающихся, в служебном порядке, раздачей ролей в русской культуре?

Читатель, переживающий вместе со своей страной неслыханный в истории эксперимент мистификации, театральное действие по перековке волка в ягненка и имеющий своих хлопот полон рот, видит молодого человека, добровольно отправившегося в чужие края в поисках места под солнцем, без образования, без специальности, без языка. Этот человек, естественно, хочет жить и кушать, а значит, что-то делать и получать за это деньги.

У него в запасе только два качества: лесть и мимикрия. Льстил и услужал он до времени, пока не оперился. Подражать другим, имеющим что-то за душой, не прекращает и не собирается прекращать.

В эмиграции он вполне преуспел. Первым делом, по примеру многих интеллигентов, нацелился на переводы. Нет, переводить он никогда не научился, не зная, собственно, никаких языков - по его же признанию в записках возвращенца (позднее переводила его жена-биолог), но вскоре стал - рукастый - одной из лучших русских машинисток Парижа (хотя и на удивление безграмотной).

Затем мы видим нашего героя директором. Забота о хлебе насущном, о месте в чужой стране - «сознания не гложет». Жена пристроена в то же издательство, вечерами делает

переводы, которые он удачно сбывает под своим именем. Доволен ли наш автор? Нет.

Когда ты не талантлив, но хочешь прославиться, тебя охватывает зуд издательства. Свербят ненасытные «валентности». Хочется подписаться возле чужого таланта. Около прозы, стихов, воспоминаний, исторических обзоров, песен.

Издатель имеет лишь одно право: право выбора. Он не может вскочить в авторский текст и слегка направить его в ту сторону, в какую ему пожелается. Он не должен резвиться за чужой счет. Автор заметок сам подробно, откровенно и без стыда рассказывает свои проделки. Например, как по случаю смерти В. Набокова он взял кусок из чужих воспоминаний, «подчистил» его⁴, заменил «местоимения» и тиснул в своем издании. У нормального человека такое признание не может не вызвать изумления. У литератора - просто ужас.

Редактор необходим каждому писателю. В советских условиях должность редактора была двойственной. С одной стороны, идеологическое сите (тяжкая для многих настоящих редакторов роль), с другой - подлинная работа с автором. Были разные варианты. Либо рукопись отклонялась, либо она отстаивалась и начиналась работа. Даже цензурные придирики настоящий писатель может обойти с блеском. «Нос» Гоголя ничуть не проиграл от того, что встреча Ковалева с носом была перенесена из церкви в Гостиный двор. А. Солженицын многое рассказал нам о редакторах в книге «Бодался теленок с дубом». Не рассказал он только одного: как, оказавшись на свободе, печатаясь без редакторских помех, начал он выдирать свою правку, сделанную по совету тонкого редактора А. Твардовского (и, несомненно, А. Берзера из «Нового мира»). И в большинстве случаев оказался не прав. А роман «В круге первом» и вовсе загубил⁵.

⁴ «...мне пришлось несколько подчистить текст...» - пишет он сам.

⁵ См. статью Л. Лосева в максимовском «Континенте» № 42, 1984

Доброжелательный, умный и талантливый редактор необходим, но при условии, что он не трогает рукопись сам. Он советует, даже, возможно, настаивает, убеждает, однако последнее слово остается за автором, который почти всегда предлагает третье, неожиданное решение. Лишенные в молодости печати, мы были редакторами друг для друга. Опыт литобъединений, литературного окружения незаменим. Прекрасным редактором был руководитель нашего лито Виктор Семенович Бакинский. Замечательным редактором был мой друг Борис Борисович Вахтин. Если он морщился при чтении, ты мог быть уверен, что слово, фразу, кусок нужно передумать. «Подчищать» свои рукописи позволяли, как ни странно, лишь знаменитые советские писатели. Им было все равно.

Меня мало печатали в Советском Союзе. Но я не престану с благодарностью вспоминать В. Панову, Д. Гранина, которым мою книгу давали на редактирование. Никогда не забуду редактора моих детгизовских книжек Н. Неуймину. Она никогда ничего не исправляла своей рукой. Мы с ней спорили, убеждали друг друга, но если что-то менялось, то только мною.

Безграмотный, полуобразованный, самоуверенный, неточный в деталях - иногда случайно, а чаще намеренно (десятки примеров в «Заметках» - сужу хотя бы по тому вранью, что касается лично меня), возвращенец разгуливает в чужих рукописях, как в своем огороде. Не исключено, что при его участии были изданы некоторые ценные книги. Остановись, историк! Вспомни, что они могут быть «подчищены» или «подредактированы» в деталях.

Читатель, возможно, не знает, что авторское право столь же священно, что и право на жизнь. В его стране сейчас и то, и другое не стоит ломаной полушки. Но издатель не может не уважать этого права. Он с ним работает поминутно. Но только не наш возвращенец.

Герой заметок рассказывает, как он одним махом поднял на ноги «возглавляемое» им издательство, выпустив песни русских бардов (о качестве этого издания лучше не говорить). Он даже называет сумму прибыли: восемьсот тысяч франков (в нынешних ценах ее нужно, по крайней мере, удвоить). Умалчивает он только об авторских гонорарах. Разумеется, некоторым наиболее известным, живущим в Париже или наезжающим на Запад, он что-то заплатил, о чем проборматывает легкой скороговоркой. Но десятки других, далеких, подсоветских, возможно, так и не узнали о том, как поднялся будущий возвращенец на их беде.

Издавая журнал «Эхо» (на мои деньги, заработанные нелегким трудом), мы с Хвостенко гонораров не платили, и всем это было известно. Продажа и подписка покрывали едва 80% стоимости типографии - и то хорошо. (Остальные издания жили за счет дотаций, которых мы никогда не искали). В тех редких случаях, когда какие-то вещи передавало радио, мы отдавали гонорар авторам.

«Аутсайдер» откровенно рассказал нам, что он не уважает авторское право - ни в отношении слова, ни в отношении порожденного этим словом результата. Издательская деятельность нужна возвращенцу лишь для того, чтобы возвеличить себя и обеспечить себе безбедное проживание в разных странах.

Возвращенец нападает на всех лучших людей эмиграции. Будучи ярым приверженцем А. Солженицына, он стал непримиримым антисолженицынцем после того, как его выгнали из издательства, очень уважавшего этого замечательного писателя. То, что он пишет о Владимире Максимове, просто отвратительно - тем более, что тот уже не может ему ответить. Это был не только великий писатель, но и один из самых светлых людей нашей эмиграции. В то время не было никого, кому бы он так или иначе не помог (тому же возвращенцу, который никогда не примерил бы физиономии директора, кабы не Максимов). Полуграмотный графоман

должен уважать большого писателя, который не только впускает его к себе, но и пытается устроить его дела. Так бывало во все времена. Стоит перечесть, какими словами описывает он «ссору» с Максимовым: «два безумствующих мужика»... Любезный, вас обманули: мужик там был только один. Другой, умелый угодник стареющих дам, живущий на чужие счета, без оглядки бегущий при первой угрозе директорской физиономии, годами накапливающий желчь, чтобы вылить ее наконец в безопасности, на расстоянии, под защитой «крыши»... Это не мужик.

Нет ни одного человека, помогавшего возвращенцу в эмиграции, которого он не облил бы грязью в своих заметках: у того брюки сползают (видел бы ты, читатель, в то время недомытого аутсайдера!), тот смешон, тот пьет горькую, того он продает на весь мир, цитируя фразу, сказанную наедине, в трудную минуту и не для чужих ушей. Досталось всем: М. Агурскому, Ю. Алешковскому, В. Буковскому, Я. Виньковецкому, А. Гинзбургу, Н. Зернову, И. Иловайской, Э. Кузнецovу, Б. Лосскому, В. Максимову, А. Некричу, Л. Нузыбергу, И. Одоевцевой, о. А. Ребиндеру, А. Рутченко, А. Солженицыну, Г. Струве, Н. Струве, Б. Филиппову, В. Чалидзе, З. Шаховской, даже художнику О. Целкову, даже французскому профессору Р. Герра, даже автору этих строк, по принципу - любое добро должно быть наказано. Даже Н. Горбаневскую, дольше всех его поддерживавшую, - и ту разделал.

Вся рота идет не в ногу. Вся рота пишет не то, вся рота издает не то и не так. Каюсь, я не читал книг издания нашего героя. Говорят, это нужные, исторические книги. Вполне вероятно. Но если вся рота не шагает, то кто шагает в ногу? Из записок следует одно: молодые историки «из-за бугра», «семь человек под общим псевдонимом»...

Для издания этих «семерых под общим псевдонимом» автор заметок роет землю и воду, многократно пересекая Атлантику, колеся по североамериканским штатам на

автомобилях. Он организует интриги, ищет нужных людей, пробивается в сферы, опускается в низы, он негодует, мы чувствуем священный гнев, обиду, боль, ненависть. За что? Почему? Потому что разведывательное управление США не хочет давать «аутсайдеру» своих денег на издание «семерых под псевдонимом». Может, это хорошие ребята, но не хочет разведка тратить на них деньги! И заставить ее возвращенцу никак не удается.

Разумеется, дотации на русские издания не всегда были самыми чистосердечными. Лучше всего было положение «Континента», финансируемого немецким издателем Шпрингером. Да и то все журналы, в том числе и «Континент», и наше «Эхо», покупались американцами, и мы были довольны уже тем, что часть расходов погашается, журналы попадают в Россию, а за их содержание мы отвечаем сами.

Но я не способен понять нового Остапа Бендера, который негодует на то, что не может сколотить «Союз меча и орала», и поднимает всемирную идеологическую бурю из-за недодачи ему шпионских денег.

Удивляет еще одна деталь. Занимаясь издательством, а потом разъезжая по миру в погоне за деньгами американской мадам Петуховой, возвращенец, как видно из его воспоминаний, ведет довольно широкий образ жизни. Не то что он совершает круизы на собственной яхте или покупает драгоценности у Картье. Но он постоянно назначает свидания за обедом или за ужином в ресторанчиках, кафе и барах, русифицированными названиями которых кокетливо пестрят записки. Не задумываясь, бросается он за нужными людьми, сведениями, рукописями, за поддержкой и организацией интриг то в Италию, то в Лондон, то в Штаты. Читатель, которому покажется, что на Западе это ничего не стоит, страшно ошибется. Это-то и есть самое дорогое в здешней жизни: завтраки в забегаловках, деловые обеды, перелеты из одного полушария в другое.

На какие деньги?

Зная, как нищенски живет здесь издательский бизнес, даже если он и субсидируется из некоторых источников, я недоумеваю. Эти «источники» карман раскрывают с большой неохотой и щедростью не славятся. Возвращенец пробует объяснить, что автомобиль в Америке входит в стоимость билета. Но билет такой чего-то стоит, дорогой читатель, да и автомобиль надо кормить (бензин, масло, оплата автострад, стоянок, штрафы, от которых полностью не убережешься, и т. п.). Проведя много лет за рулем, я больше не в состоянии иметь машину. Можно даже купить подержанную, не слишком дорого, но тем дороже ее содержать.

Я ни разу не был в Америке, хотя временами хорошо зарабатывал, - мне это не по карману. Откуда же у аутсайдера такие деньги, что он даже может позволить себе широкий жест - гордо отказаться от пособия по безработице (уж, наверное, не меньше полутора - двух тысяч долларов что ни месяц, и так в течение полутора лет). Человек не может стоять в очереди, как любой простой французский человек, это его унижает. Ни один эмигрант не отказался бы хоть всю оставшуюся жизнь проводить раз в месяц в любой очереди за такой законно полагающейся помощью, хоть, может, и честил бы при этом французские порядки на хорошем табуированном русском языке.

Помню, когда-то я с изумлением прочел в газете статью под названием «Почему я не модернист?» Я справился, кто же это такой «я», про которого мы должны знать, почему он не «модернист». Имя автора мне ничего не сказало. Одно из миллионов. Мне было все равно, модернист этот «я» или же консерватор.

Живший в 19 веке цензор А. Никитенко издал трехтомный дневник. Ему было что рассказать: среди прочего, он редактировал Гоголя, записал воспоминания А. П. Керн. Но

начал он воспоминания со своей молодости, когда он был крепостным, вступившим в «Библейское общество», которое выкупило его из неволи и позволило подняться, занять эту должность и служить верой и правдой царю, отечеству и российской словесности.

Чтобы писать мемуары, нужно что-то собой представлять. Возвращенец должен был бы тоже начать свои заметки раньше или хотя бы объяснить читателю, кто он такой, откуда взялся и как и зачем попал к Марамзину, имевшему глупость и неосторожность и т. д. (см. раньше).

Пытаюсь представить, как приезжает этот, уже не столь молодой, умственно усталый, но по-прежнему рукодеятельный, быстроногий, автомоторизированный активист в новую Россию. Я вглядываюсь, но не вижу, не могу себе представить эту незнакомую мне страну дистрибуторов, дилеров, менеджеров, попов, освящающих новые здания госбезопасности, интернетовских сайтов, евроремонтов и секьюрити, где одни крыши едут, а другие устраивают разборки, где партий больше, чем идей, лакеи носят вина, а воры носят фрак - от Версаче.

Это только если не иметь воображения, может показаться, что возвращенцу легко, что его качают на руках и подбрасывают. Вручают новый орластый паспорт. Дают жилье. Пропитание. Билеты в Париж («аутсайдер» продолжает нас навещать!). Не хотите ли издать чего пожелаете? Или ключ от квартиры, где деньги лежат?

Нет, дорогой читатель, возвращение нужно отработать. И на самых жестких условиях. Даже Максим Горький отрабатывал. И вот если посмотреть на «Записки» под этим углом, то становится страшно. Особенно мне. Страшно думать, что я оказался к этому причастен. Моя вина кругом.

В свое время Владимир Максимов, которого нам всем, а мне особо, так не хватает, рассказал мне, как входили советские

войска в Прагу, по следам немцев. Известно, что в Праге перед войной была большая, культурно активная русская колония, которая, конечно же, не нравилась нашим чекистам. В семье не без урода, и угрозами ли, подкупом, а то и по доброй воле были среди них завербованные. От большинства ничего не требовали до прихода Советской армии. Тут их попросили лишь об одном: указать, по списку, где живут такие-то люди, с кем общаются, куда ходят, что делают их дети. Судьба этих людей известна: они и их семьи сгинули в сталинских лагерях.

Возможно, это чистое совпадение, но этот эпизод не выходит у меня из головы при чтении заметок. Они полны чудовищных подробностей, названы чуть ли не все видные люди эмиграции, их адреса и переезды, внутренние отношения, описаны все эмигрантские организации и издания, опять же с адресами, названы все иностранные организации, которые когда-либо занимались помощью эмигрантам, диссидентам и вообще русскими делами, их структура, отделения на местах, имена руководителей. Точно указана топография расселения русских эмигрантов в Вене, Париже и Нью-Йорке, запротоколено, кто, где и с кем парится в баре, настойчиво раскрываются псевдонимы - бери голыми руками.

Помню, в свое время один хороший человек, американец, занимавшийся отправкой книг в Россию, решил съездить туристом в СССР. Его там то ли напоили, то ли накачали наркотиками и, выпытав всего лишь адрес его конторы и, кажется, фамилию его начальника (что еще он мог сказать?), напечатали разгромную статью и вышвырнули из Москвы. Много лет после этого несчастного случая его продолжали тут мазать грязью все, кому не лень. А что это по сравнению с заметками нашего возвращенца? Меня не оставляет мысль, что они сочинялись не случайно.

Воспоминаний о живых вообще не пишут или просят их согласия на печать, или откладывают публикацию на десятки лет. Возвращенец пишет, как он передавал деньги (конечно

же, американские) через дипломатов в Россию, называет передатчиков и адресатов (правда, один дипломат, вроде, уже умер - но ведь его служба, закрывавшее глаза начальство остались? правда, один диссидент уже уехал за границу - но, может, ему не понравилась бы эта болтливость аутсайдера?). Приблизительный в большинстве своих воспоминаний, такие деликатные подробности он приводит с высокой точностью.

Этот поток бесстыжей откровенности есть не иное как открытое широковещательное доносительство под видом мемуаров. Будет что расстричь на десятки, сотни мелких подробностей, чтобы заполнить десятки и сотни личных (и неподличных) дел. Вы спросите: кто это будет делать? Кому это нужно? Ведь, говорят, все переменилось?

Не переменилось, а перестроилось. Вслушайтесь: вам было сказано - перестройка! Честно и просто.

Сомнения есть всегда. Интеллигент и славится своим сомнением. Но заметки аутсайдера невозможно списать на недомыслие. Думать надо. Прежде чем. До того.

Говорят, на Западе не растут березы. Эмигранту положено тосковать по ним, родным, белостволым. «И березки, как девки босые, на прощанье мне машут листвой...» Это неправда. Это красивая легенда. Во Франции полным-полно берез. Возле Парижа есть целые березовые рощи. Березы машут по всей Европе.

Вот чего действительно нет на Западе - так это осин.

Иуде не на чем повеситься.

В. Марамзин
декабрь 1998